

Няня.

Не совсем то, как Гвен хотела бы провести то небольшое свободное время, которое у нее было, но выбора у нее не было. Ее отец прекрасно умеет вызывать чувство вины даже тогда, когда он этого не собирался делать, и ей приходилось терпеть его душевные терзания, прежде чем она неизбежно уступала. Для 120-килограммового офицера полиции не должно было быть возможным смотреть такими добрыми щенячьими глазами, но ее отец был очень талантлив. Один его молчаливый взгляд мог быть подобен целому блюзовому оркестру, мрачно играющему на заднем плане, и самое ужасное, что он даже не осознавал этого.

Если он попросит посидеть с ребенком друга, это может превратиться из простой и непринужденной просьбы в тихую эмоциональную войну, сопровождаемую тяжелыми вздохами и многозначительными взглядами в сторону. Гвен просто не могла долго терпеть подобное. После смерти Питера ее отношения с отцом и без того были не самыми лучшими, так что она могла вести себя, как последняя скотина, лишь до тех пор, пока не начинала окончательно ненавидеть себя.

Иногда лучше было просто сдаться раньше, пока ненависть к себе не начала накапливаться.

Блондинка подошла к двери небольшой квартиры - Номера 406 - с опозданием на несколько минут. Она едва успела постучать, как дверь распахнулась, явив взору плотную и високою женщину с черными волосами, уложенными в высокую прическу. Чуть позади нее в костюме облачался ее муж, и оба они, похоже, опаздывали не меньше, чем она. При виде долгожданной няни женщина взволнованно улыбнулась, и Гвен постаралась ответить ей как можно более искренней улыбкой.

— Ты здесь! Отлично! — женщина - Миссис Кармайл - захлопала в ладоши, — Отлично, отлично! Джереми! Джереми! — кричала она в глубину квартиры, пытаясь, видимо, (тщетно) позвать своего ребенка, — жереми, твоя...! Ох, неважно. Джереми в своей комнате, играет в

свои "видеоигры"! Все, что тебе нужно сделать, это разогреть для него ужин и проследить, чтобы он не натворил ничего слишком "безумного"! — улыбнулась она, несомненно, сильно преувеличивая склонность сына к диким поступкам, — Мы должны вернуться примерно в двенадцать! Даги!

— Иду, дорогая! — сказал ее муж, - а он был совсем маленьким рядом со своей длинноногой женой, - и, спотыкаясь, направился к двери, чтобы надеть свой темный пиджак.

— Отлично! Если у тебя возникнут вопросы, звони! Но я сомневаюсь, что что-то случится! — Миссис Кармайл махнула рукой, по-прежнему широко улыбаясь, — Джереми очень воспитанный ребенок! Уверена, вы двое прекрасно поладите! — проговорила она, когда они с Гвен поменялись местами, оставив подростка в доме, а двух взрослых в коридоре, — Главное, не стесняйся звонить! Ох! Но мы будем в опере с 8 до 11, так что не звони в это время! Но антракт будет примерно в 9:30, так что если тебе что-то действительно очень нужно-...

— Дорогая!

— Иду, дорогой! — Миссис Кармайл вышла в коридор, пока ее муж вызывал лифт, — В любом случае! Большое спасибо, что выручила нас, Гвен! Увидимся вечером! Пока!

— Дорогая!

— ИДУ Я, ИДУ! — голос полноватой женщины внезапно превратился в нечто похожее на визг велоцираптора, и она бросилась по коридору к своему мужу. Двое скрылись в лифте, а Гвен с расширенными глазами и разинутым ртом выглянула из-за двери в их сторону. На мгновение она была слишком ошеломлена всей этой суетой, чтобы осознать, что только что произошло.

Затем она вздохнула, развернулась и закрыла дверь.

Она едва не выпрыгнула из кожи, когда обнаружила, что прямо за ее спиной стоит ребенок - судя по всему, Джереми. Он во многом повторял худшие черты своих родителей, хотя больше всего походил на мать. Продолговатый, с ровными, прямыми черными волосами и... лицом. Лицо, которое могла любить только мать. У него были толстые щеки, глаза-бусинки и выпяченный подбородок. Он почти заставил Гвен забыть о том, что дети могут быть милыми, с его странным стерильным и безжизненным видом. Он выглядел как детский экземпляр рабочего в офисе. Если бы он вдруг заговорил об электронных таблицах и квартальных показателях продаж, она бы не удивилась.

— Привет, — сказала она, широко раскрыв глаза, все еще немного ошеломленная его внезапным появлением.

— Что сказала моя мама? — его голос был неприятным и плоским, как и его лицо.

Гвен моргнула, стараясь не нагрубить ребенку. Как бы смешно это ни было, он все еще оставался ребенком. Он не заслужил этого, пусть он ничего и не слышал, ей было откровенно стыдно так думать. Она должна была быть здесь взрослой.

— Она сказала, что ты хороший ребенок. — улыбнулась Гвен, засовывая кулаки в карманы толстовки, — Я просто разогрею для тебя еду и прослежу, чтобы ты не попал в беду, — последнюю фразу она произнесла с легкой издевкой, пытаясь вызвать у него улыбку, — Кстати, меня зовут Гвен. А ты Джереми, да?

Она протянула руку, и через несколько секунд парень пожал ее. Его рука была липкой и пухлой, что сразу же заставило Гвен пожалеть о том, что она вообще протянула ее ему. Он пожал ее сильнее, чем нужно, что могло бы причинить боль, если бы Гвен не была - ну, вы понимаете - супергероиней. Она отдернула руку, может быть, даже слишком резко, и подняла бровь, глядя на мальчика. Его лицо было слишком сильно сжато, словно гравитационное давление его собственной головы давило на него со всех сторон, сминая черты. Из-за этого

казалось, что он постоянно раздражен, однако Гвен понимала, что, возможно, именно так он в самом деле себя и ощущает.

Секунду Джереми просто смотрел на нее, а затем быстро развернулся.

— Я иду в свою комнату. Просто скажи мне, когда ужин будет готов, и не беспокой меня. Мне все равно не нужна нянька. — ворчал он себе под нос, уходя, — И не заходи в мою комнату!

Гвен сделала несколько шагов за ним, осмысливая каждое его высказывание одно за другим, — Ухх! Хорошо, просто-... — дверь в его комнату захлопнулась, и Гвен замерла на месте. Секунду она просто стояла на месте, не зная, как к этому отнестись. С одной стороны: мальчишка. С другой: легкая работа. Конечно, Джереми казался ей грубияном, но если он просто хотел посидеть в своей комнате и не раздражать ее, она не собиралась жаловаться. Гвен не обладала излишним терпением, когда дело касалось общения с несносными детьми, поэтому она с удовольствием позволит Джереми самоизолироваться и будет приносить ему еду по мере необходимости.

Она бросила рюкзак на диван и выругалась себе под нос, когда поняла, что забыла до конца застегнуть молнию. Ее костюм был внутри, слегка обнажаясь через отверстие. Она быстро захлопнула рюкзак, и как раз вовремя, как дверь в комнату Джереми распахнулась. Внутри было очень темно, единственным источником света служил, несомненно, монитор компьютера. Он был голубым и ярким, освещая грязную кровать и стену, увешанную постерами.

Гвен напряглась, встретившись с его холодным, как бусинка, взглядом.

— Принесите мне газировки, — приказал он, — она в холодильнике.

Гвен улыбнулась холодной беззубой улыбкой, наблюдая за ребенком, — Сам не можешь?

— Тебе платят за то, что ты присматриваешь за мной! — ответил язвительно Джереми, — У тебя есть дела поважнее?

— Ууууххх-...

— Тогда принеси мне газировку!

Дверь захлопнулась в тот момент, когда Гвен только собиралась заговорить, тем самым вынуждая ее промолчать. Она прищурила глаза, закатила их и нахмурила брови, выражая полное раздражение совершенно пустой комнате. Она решила оставить все как есть, подошла к холодильнику и открыла его, чтобы проверить содержимое. На дверце было полно газировки, пива, взбитых сливок, маринованных огурцов, еще газировки, приправ и банка рубленого чеснока. Она взяла "Апельсиновый сок", надеясь, что это то, что он хотел, и направилась в его комнату. Она быстро постучала, дожидаясь ответа.

<http://erolate.com/book/4200/124185>